

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

УДК 82.01/09: 821.161.1 (470.325)

КРИТИЧЕСКИЙ ЭТЮД Ю.Н. ГОВОРУХО-ОТРОКА «В.Г. КОРОЛЕНКО»

И. И. Кулакова

*Белгородский
государственный
университет*

*e-mail:
kulakova@bsu.edu.ru*

Статья рассматривает литературно-критический этюд Ю.Н. Говорухо-Отрока, посвященный творчеству В.Г. Короленко 1880-х – начала 1890-х годов. Данная работа критика анализируется с учетом генезиса эстетических взглядов автора, его мировоззренческих предпочтений, то есть круга его ценностных ориентиров, и жанрово-композиционных особенностей. В статье вводится по аналогии с термином «христианский роман» понятие «христианская критика» как наиболее соответствующее смыслу исследуемого критического этюда.

Ключевые слова: эстетическая позиция, лиризм, христианская критика.

Юрий Николаевич Говорухо-Отрок (1854-1896) – уроженец Белгорода, литературный и театральный критик, известный публицист 80-90-х годов XIX столетия, писатель. Его перу, кроме многочисленных статей, рецензий, заметок, нескольких литературно-критических этюдов (так он называл свои монографии и циклы статей) о творчестве Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева, В.Г. Короленко, принадлежит четырнадцать рассказов, повесть и пьеса.

Эта часть наследия талантливого литератора стала доступна современному читателю благодаря той кропотливой и сложной изыскательской деятельности, которую провела проф. БелГУ З.Т. Прокопенко. По результатам этой серьезной работы издан первый том собрания сочинений Ю.Н. Говорухо-Отрока, включающий найденные и атрибутированные беллетристические произведения писателя и вступительный критико-биографический очерк его жизни и деятельности¹.

Сейчас уже совершенно очевидно, что литературно-критическая мысль последней трети XIX столетия не будет представлена объемно и полно без обращения к наследию Ю.Н. Говорухо-Отрока, известного сегодня менее других своих современников по причине, на первый взгляд, элементарной. Великое множество подписанных, как правило, псевдонимами и криптонимами литературных статей, театральных рецензий, критических этюдов, высоко оцениваемых Н.Н. Страховым, В.В. Розановым, К.Н. Леонтьевым, идеологически и лично близкими Говорухе критиками и литераторами, так и осталось на страницах периодических или редких отдельных изданий его времени. Не было попыток переиздать им написанное и в те годы, когда его литературные единомышленники начинают быть активно востребованы издателями и ис-

¹ Говорухо-Отрок Ю.Н.: Собр. соч. – Т.1. – Белгород: Изд-во Шаповалова, 2005.

следователями. К концу XX столетия он уже оказался вне литературного контекста своего времени: о нем почти не упоминают учебники по истории русской литературы II половины XIX века, учебные пособия по истории русской критики и критической мысли указанного периода. Эту ситуацию практического «забвения» имени и сочинений Говорухо-Отрока, вероятно, не объяснить лишь его эстетическим своемыслием, консерватизмом взглядов и христианским мировоззрением. В наше время именно эти особенности сообщают особенную привлекательность богатому литературно-критическому материалу, по-прежнему «сохраняемому» в газетах и журналах последней трети XIX века.

З.Т. Прокопенко в критико-биографическом очерке, посвященном Ю.Н. Говорухо-Отроку, цитирует статью-некролог В.П. Мещерского, издателя журнала «Гражданин»: «В Москве скончался один из главных, если не ошибаюсь, самый даровитый сотрудник “Московских ведомостей”, Говорухо-Отрок, прежде обративший на себя внимание вдохновенными и талантливыми статьями в харьковском “Южном крае”».

Этот Говорухо-Отрок замечателен тем, что из Савла превратился в Павла. И от самых либеральных увлечений перешел после внутренней борьбы к твердому и убежденному консерватизму, но перешел без шума, без рекламы, без тех практических приемов, к которым на моих глазах прибегали некоторые обращенные с целью похвалиться обращением и снискать себе в оплату всякие земные выгоды.

Обращение Говорухо-Отрока тем и ценно было, что оно совершилось совсем бескорыстно и совсем искренне...»². По мнению З.Т. Прокопенко, именно это «перерождение» молодого человека, произошедшее в тюремной камере, стало основанием для неприятия его сочинений народнической критикой, послужило причиной «вытеснения» его имени из литературного контекста эпохи в исторической перспективе: «Естественно, что прежние единомышленники не простили Говорухо-Отроку его “ре-негатства”, практически встречая почти каждое его выступление в печати полемическими выпадами в адрес “предателя”»³.

Думается, есть ещё одна причина «изъятия» из литературного процесса наследия Говорухо-Отрока, и состоит она в следующем: его литературная критика последовательно, определенно и гармонично утверждает мысль о необходимости *духовной свободы* личности, свободы от «ярлыков», установок и веяний всяческих школ, партий и направлений.

Обращаясь в данной статье к литературному этюду Ю.Н. Говорухо-Отрока «В.Г. Короленко», который вышел отдельным изданием в 1893 подписанный псевдонимом Ю. Николаев, мы ставим задачи прояснения нескольких моментов, которые помогут определить роль и значение его литературно-критического наследия в истории отечественной критической мысли. Прежде всего необходимо установить генезис мировоззренческих и эстетических принципов Говорухо-Отрока и их характер, найти и обозначить приемы и методы работы критика с художественным текстом, показать, к каким выводам это его приводит, рассмотреть жанрово-композиционные особенности статьи, посвященной творчеству В.Г. Короленко, соотнести изучаемое критическое сочинение с направлениями, выделяемыми в истории русской критики 1880-1890-х годов.

Как справедливо замечает современный исследователь, «критическая интерпретация произведения имеет *субъективные* предпосылки»⁴. (*Курсив* автора. – Л.Ч.)

Это утверждение вполне отвечает эстетическим подходам Говорухо-Отрока к литературной деятельности вообще. Свой критический анализ творчества Короленко он предваряет теоретическим введением, объясняя его цель: «...восстановить смысл

² Прокопенко З.Т. Ю.Н. Говорухо-Отрок: Критико-биографический очерк / З.Т. Прокопенко // Говорухо-Отрок Ю.Н.: Собр. соч. – Белгород: Изд-во Шаповалова, 2005. – Т.1. – С. 32-33.

³ Там же. – С. 5.

⁴ Чернец Л.В. «Как слово наше отзовется...». Судьбы литературных произведений: Учеб. пособие. – М.: Высшая шк., 1995. – С. 79.

ходячих слов и понятий, употребления которых тем не менее избежать нельзя»⁵. Собственно терминам «искренность», «объективность» и «субъективность», принципам их соотношения в творчестве художника уделяет Говоруха специальное внимание и подчеркивает: «...всякий писатель вносит свою личность в свои произведения; другими словами, всякий писатель *субъективен*, да иначе и быть не может – и весь вопрос в том, насколько его субъективное настроение *искренне* и насколько оно совпадает с *объективной правдой*» [3]. (*Курсив* автора. – Ю. Г.-О.). Критик – тоже писатель, создатель своего «сочинения», и его личность также не может не отражаться в его интерпретациях художественных произведений и творчества писателя, избранного им для анализа и толкования. Поэтому неизбежен интерес к тому, что лежит в основе мировоззрения критика, что существеннейшим образом повлияло на формирование его эстетического кредо. Критик Говоруха-Отрок «открывается» в своей работе о Короленко достаточно полно, чтобы обрисовать его облик с указанных позиций, хотя впрямую он называет здесь далеко не всех, кто воздействовал на его восприятие художественного творчества.

Прежде всего, воспитывала в будущем критике эстетический вкус мировая литература, которую он знал энциклопедически обширно. Литературный кругозор его убедительно проявлен в изучаемой работе. Здесь свободно цитируются Шекспир, Гете, Байрон; упоминается Диккенс; автор статьи апеллирует к произведениям Пушкина, Лермонтова, Достоевского, Тютчева, Майкова, Огарёва. Список этот можно продолжать; причем его цитаты, или «выдержки», как правило, точны, переводы зарубежных авторов порой сделаны самостоятельно, а пересказ аналитичен, приближаясь к научному. Это тот багаж, который критическим суждениям придает вес и основательность и помещает творчество исследуемого писателя в контекст предшествующей и современной мировой литературы. За каждым теоретическим положением критика, кроме профессионально необходимых наблюдательности и любопытства, стоит представление о всеобщности законов искусства и художественно-эстетической деятельности. Поэтому столь естественными оказываются выводы, к которым приходит автор.

Единство художественной концепции критика обеспечивается общей идеей, скрепляющей материал без неприглядных швов, которые иной раз прошиваются «белыми нитками» преходящих, временных тенденций. По верному замечанию Ю.Б. Борева, «критическая позиция надстраивается обычно над познавательной, эстетической или какой-либо другой позицией. В своих оценках критика базируется на аксиологии»⁶.

Шкала ценностей, утверждаемых Говоруха-Отроком, санкционирует их соотношение – в соответствии с традиционно принятым разделением – с ценностями религиозными, но по размышлению приходится признать, что они принадлежат всё же к категории ценностей общечеловеческих. В его ценностной парадигме нельзя отделить веру в Спасителя от одобряемых всем человечеством этических норм и от эстетико-философского стержня, неминусово сопутствующего созданию подлинного художественного произведения. Проповедуются критиком наличие в художнике и человеке веры в Бога; связанные с христианской этикой любовь и смирение; любовь к родине; любовь к *мытарю как равной себе личности*; любовь и уважение к народу, понимание глубины и истинности народного мироощущения при всей малообразованности народа; чуткость к красоте и «*духовная свобода*» человека и творца.

Такая программа ценностных ориентиров сложилась под воздействием мировой литературы, Евангелия, под влиянием отечественной литературной критики, в которой Говоруха ориентируется так же легко и свободно, как в мировой и отечествен-

⁵ Николаев Ю. Очерки современной беллетристики. В.Г. Короленко. Критический этюд. – М.: Университетская типография, 1893. – С.3. Далее в тексте статьи цитирование этого труда Ю.Н. Говоруха-Отрока будет сопровождаться указанием страницы в квадратных скобках.

⁶ Борев Ю.Б. Эстетика. Теория литературы: Энциклопедический словарь терминов / Ю.Б. Борев. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – С. 211.

ной классике. Об этом свидетельствуют многочисленные публикации Говорухо-Отрока, связанные не только с персоналиями, но и с рефлексией критической мысли в России XIX века⁷.

Сопричастны к эстетическому взрослению Говорухо-Отрока прежде всего литературно-критические труды А.А. Григорьева и Н.Н. Страхова, критиков, в наибольшей степени близких ему в основных компонентах критической деятельности: в методологии критического анализа, в этико-эстетических и мировоззренческих подходах, в наименьшей степени в жанровых, композиционных, стилевых проявлениях. Зная критику В.Г. Белинского, Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова, А.В. Дружинина и П.В. Анненкова, Говоруха «останавливается» на Григорьеве и Страхове. Почему?

Сам этот «выбор» свидетельствует о цельности его личности: нельзя не признать, что привлекают будущего критика в довольно богатом на имена литературно-критическом пространстве во временных границах нескольких десятилетий – с 1840-х по середину 1870-х годов – оригинальные, своеобразные, но связанные определенной и весьма показательной общностью фигуры. Говоря о них, нельзя обойтись без упоминания книги Н.Я. Данилевского «Россия и Европа» и таких сугубо национальных русских общественных и интеллектуальных течений второй половины XIX столетия, как «неославянофильство» и «почвенничество». Однако не стоит, как представляется, торопиться безапелляционно присоединять Говорухо-Отрока к этим или каким-либо другим направлениям, выделяемым в процессе становления литературно-критической и общественной мысли, в динамике анализа российской действительности, который в той или иной степени, в том или ином качестве, но обязательно присутствует в критических разборах. Ситуация оказывается несколько сложнее.

Идеология «почвенничества», идеология «неславянофильства» не были чуждыми Говорухо-Отроку (знакомство с книгой Н.Я. Данилевского в биографии автора сближено по времени с глубинным постижением Евангелия, и эти события у него связаны с духовным возрождением, пережитым им в одиночном заключении), но он чувствует принадлежность всяким группам, партиям и направлениям, всюду обнаруживая свой взгляд, позицию, мнение, у истоков которых – не гордыня и отчужденность, а *духовная свобода*; именно она способна вдохновить на творчество одаренного Богом человека и противостоять *духовному рабству*, в которое попадают и талантливые люди, впитавшие «разнообразные предрассудки современности»[91], в том числе и предрассудки партийной принадлежности. Такова позиция Говорухо-Отрока, и не учитывать ее при неизбежной необходимости классификации и систематизации в истории русской литературы и критики нельзя, только надо помнить об их относительности.

Но вести речь о значительном художественно-эстетическом воздействии на критика статей А.А. Григорьева и Н.Н. Страхова, по всей видимости, следует.

Так, в газетной публикации 1894 года, мемуарной по характеру и близкой к жанру «литературного портрета», Говорухо-Отрок пишет о своём давнем внутреннем отклике на григорьевские статьи, прочитанные им в Петропавловской крепости: «Впечатление было неотразимое. Впечатление это производила та искренность и та безграничная любовь к литературе, которые светятся в каждой строчке, написанной Григорьевым»⁸.

«Искренность» становится для Говорухо-Отрока ключевым понятием в эстетической оценке художественного произведения, как это видно из этюда о Короленко. «Искренность» как способ подачи материала обнаруживается им в статьях предшественника, в то же время «искренность» как категория эстетическая рассматривается и А.А. Григорьевым. У Григорьева же – по всей видимости – Говоруха черпает сведения

⁷ Отсылаю к указанному труду О.А. Гончаровой, в котором дан практически полный перечень работ Говорухо-Отрока, опубликованных в периодике XIX века – как харьковской, так и столичной – и вышедших тогда же в отдельных изданиях. – Гончарова О.А., 2006. – С. 148-155.

⁸ Говорухо-Отрок Ю.Н. Григорьев А.А. // Московские ведомости. – 1894. – № 266. – 28 сент.

о Томасе Карлейле и «впитывает» восторженное поклонение ему. Есть необходимость сравнить панегирические эпитеты, сопровождающие это имя в статьях А. Григорьева и страницы восхищения в адрес шотландца в этюде его «ученика».

В аналитической статье «Критический взгляд на основы, значение и приемы современной критики искусства» Григорьев называет Карлейля «великим мечтателем поэтом-философом-историком-пророком», считая, что только у него и у «философа-мечтателя Кольриджа» можно найти «блестящую минуту отрешенно-художественной критики», тем самым подчеркивая гениальность авторов, а не достоинства выделенного им критического направления. С деятельностью Карлейля Григорьев связывает появление «совершенно новой критики», которую он называет «органической»⁹.

В изучаемой работе о Короленко Говорухо-Отрок цитирует Карлейля в ответ на недоумевающий вопрос писателя о том времени, когда прекратится недоразумение между народом и образованными классами общества. Возможность сословного единения «на святой Руси» критик видит в выполнении одного условия: когда образованные люди поймут, что разум им дан для благоговейного исследования «тайн Божиих». В качестве аргумента он приводит большой фрагмент из книги Карлейля «Герои» и представляет автора известного в России, вызвавшего полемику сочинения, так: «...возьмем одного из величайших писателей нашего века – Карлейля» [100-101].

Н.Н. Страхов открыто позиционировал себя учеником и последователем А.А. Григорьева. Закономерно, что Говорухо чувствует родство с этими яркими литературно-критическими талантами. Высоко оценивая Страхова как философа и как литературного критика, он находит и в его статьях свидетельства первостепенного интереса к литературе, а не к отвлеченным понятиям¹⁰. Добавим: Говорухо нашел в Страхове товарища и единомышленника по вопросам веры без сомнения и без фанатизма, что из ситуации нашей современности видится чрезвычайно актуальным¹¹.

Наследуя своим предшественникам в вопросах отношения к Пушкину, в отказе от методов и подходов «реальной» и «эстетической» ветвей русской литературной критики к художественному творчеству, к произведению и писателю, Говорухо-Отрок остается оригинальным в своей собственной концепции, в своем собственном видении потенциалов критики. Это воплощается в его непосредственной работе: он считает, что у критики есть функция воспитывать не только эстетический вкус читателя – критик формирует мировоззрение и направляет дар писателей, подсказывая им возможные пути решения нравственных коллизий, воплощаемых ими в тексте художественного произведения. Оригинален он и в области формы своих работ.

Некоторая «лоскутность» построения статей Григорьева и свободный план многих критических работ Страхова (в частности, его «критической поэмы в четырех песнях» о романе Л.Н. Толстого «Война и мир») не находят продолжения в критических разборах их ученика и последователя. В очерке «В.Г. Короленко» у Говорухо-Отрока обнаруживается стройная и логическая композиция, где все элементы подчинены движению мысли, всё «приуготовляет» вывод, работает на него.

Жанр критической работы о Короленко обозначен традиционно для критики второй половины XIX века (интересно отметить, что Т. Карлейль тоже использовал эту

⁹ Григорьев А.А. Искусство и нравственность / Вступит. статья и коммент. Б.Ф. Егорова. – М.: Современник, 1886. – С. 38. В комментариях читаем о близости Григорьеву шеллингианца Т. Карлейля, которого он «считал своим учителем в критике, восхищаясь его статьями о немецкой литературе и циклом статей “Герои и героическое в истории”». – Там же. – С. 313.

¹⁰ Личное знакомство Н.Н. Страхова и Ю.Н. Говорухо-Отрока состоялось в 1891 г., когда относительно молодой и талантливый харьковчанин уже обосновался в Москве и вел в «Московских ведомостях» отдел литературной критики. Взаимная заочная симпатия их переросла в дружеские отношения.

¹¹ Не могу безусловно согласиться с тем, что Говорухо-Отрок отнесен к ортодоксальным христианам в монографии О.А. Гончаровой «Русская литература в свете христианских ценностей». Ортодокс не только сам «правовверен», он агрессивен в утверждении своих позиций и принципов. В этюде «В.Г. Короленко» я не вижу оснований для такой характеристики, обнаруживая – что удивительно – некие черты толерантности, проявленные по отношению к великим писателям.

форму, в частности, известен его этюд «Новалис»). В теоретических исследованиях по проблемам критических жанров чаще всего называется две разновидности этой формы – *импрессионистический этюд* выделяет Л.П. Гроссман в статье «Жанры литературной критики». В работе «Поэзия критической мысли. О мастерстве Белинского и некоторых вопросах литературной теории» М. Поляков предлагает во второй группе критических жанров поместить *философско-критические этюды*¹². Перед нами, вне сомнения, *философско-критический этюд*, но этим не ограничивается разговор о жанре работы, посвященной В.Г. Короленко.

Французское слово «эюд» означает «изучение», что весьма точно ориентирует и самого критика, и его читателя. Перед критиком стоит цель изучить литературно-художественную деятельность писателя или одно из его сочинений, описать ход изучения, раскрыть смысл творчества привлёкшего его внимание писателя. Деятельность же читателя по изучению писателя не ограничивается только пониманием толкования произведения, предложенного критиком; чаще всего критик «втягивает» читателя в заочный, но весьма существенный и часто проблемный диалог. Так и происходит с работами Ю.Н. Говорухо-Отрока, которые не оставляют равнодушными их читателей.

«Только то волнует сердце, что идет от сердца», говорит Гётевский Фауст – и этими словами прекрасно характеризуется значение искренности в искусстве»[5], – так поэтично и точно вводит критик одно из своих теоретических основополагающих понятий. Он вполне владеет формой и приемами её организации, чтобы побудить читателя поверить в *искренность* и истинность своей позиции. Существенную роль в придании композиционной стройности этюду придает разделение всего материала на три части. Эти части – статьи, которые публиковались Говорухо-Отроком в 1, 2 и 4 номерах журнала «Русское обозрение» в 1893 году, в том же году появилось и отдельное издание с общим заглавием «Очерки современной беллетристики», уточнением «В.Г. Короленко» и с указанием жанра – «Критический этюд». Все эти обстоятельства информативны с точки зрения возможных подходов к вопросу жанрового определения. Вполне допустимо считать, что перед нами цикл статей, о чем свидетельствует и первая журнальная публикация и сохранение разделения на три части в отдельном издании.

Цикл, как известно, не простое соединение частей, объединенных общей тематикой, героем, идеей. Цикл становится таковым, если обнаруживает совершенно особую методологическую основу, скрепляющую его раздельно существующие части в целое. Такой основой в данном случае является последовательная смена дедуктивного и индуктивного подходов критика к изложению материала. От теории, терминологии и общих размышлений, начинающих статью, автор движется к частностям, рассматривая рассказы В.Г. Короленко «В дурном обществе» и «Сон Макара». Первая статья завершается новым обобщением. Оно становится ведущим при разборе рассказов во второй статье.

Здесь внимание критика останавливается на таких произведениях, как «В последнем отделении» (известном нам как «Яшка»), «Очерки сибирского туриста» (тоже сменивших впоследствии название на «Убивец»), «В ночь под светлый праздник». В завершение второй статьи обобщение от рассмотренного в ней художественного творчества Короленко выливается в попытку предложить другое решение коллизии, описанной в рассказе «В ночь под светлый праздник». Критик оценивает произведение, не выпуская из виду возможность посоветовать писателю иной путь освещения сюжета. Эта возможность использована Говорухой (в данной работе он еще однажды прибегнет к ней при анализе рассказа «За иконой»), сюжет в его изложении действительно приобретает трагическое звучание, но и этим не исчерпывается финал

¹² См. обзор литературоведческих исследований о мастерстве литературной критики в книге: Егоров Б.Ф. О мастерстве литературной критики. Жанры. Композиция. Стиль / Б.Ф. Егоров. – Л.: Советский писатель, 1980. – С. 3-28.

второй части. Собственное художественное воплощение сюжета предваряет выводы о характере дарования г. Короленко и заключения более широкого плана – о том, что помогает «взойти на вершины *художественного* творчества». (Курсив автора. – Ю. Г.-О.) Чтобы оказаться на этих вершинах, «надо отыскать в душе своей то вечное и неизменное, всегда сущее, всегда себе равное, что одно может дать непреложный критерий для суда над жизнью...надо уверовать в то, великое и вечное, что одно дает смысл миру и жизни человеческой...» [71].

Так впервые без аллюзий, впрямую Говорухо говорит о необходимости веры для художника, изображающего жизнь человеческую. Это обобщение нового, более высокого уровня, подготавливает третью часть с очередным движением к частным разборам и широким обобщениям. Эти взаимосвязанные элементы на пути к финалу статьи все более и более обретают характер проповеди, исповедания своей веры и убеждения в ней тех, кто только живет в рамках христианской морали, но не стал еще истинно верующим человеком. Казалось бы, вершина обобщений достигнута, и перед нами апофеоз всей работы, посвященной писателю, в произведениях которого оказалось такое множество тем, героев и сюжетов, вызвавших положительный отклик критика-христианина.

Но перед нами критик, профессиональная компетентность которого не позволяет ради истины умалчивать то, что может в чужих устах стать контраргументом. Третья статья рассматривает рассказы «Ночью», «На затмении», «За иконой», их избрание обусловлено не только уже как будто бы обозначившейся тенденцией: критик максимально внимателен к любому проявлению талантливости, искренности и объективности Короленко. Но предпочтение этих произведений более всего помогает критику прийти к окончательному, итоговому рассуждению об истинном творчестве и подлинной художественной одаренности, мешает раскрыться которой «духовное рабство», подчиненность установкам и положениям, «ложным верованиям современности». Судя по характеру движения мысли критика по спирали обобщений и детализированных разборов, чтобы прийти к выводу высшего уровня, перед нами на самом деле цикл, пронизанный, как лучами, эпиграфами, помещенными в начале каждой статьи. Необходим аналитический разбор их функций в критическом этюде, который добавит оснований для того, чтобы подтвердить некоторые выводы о жанровой природе изучаемого критического цикла Говорухо-Отрока. Но от некоторых замечаний нельзя отказаться и сейчас.

Критический этюд о Короленко – это этюд философский. В подоснове его – христианское мировоззрение автора, Ю.Н. Говорухо-Отрока. Размышляя о творчестве, его характере, о художественных приемах и смысле создаваемых писателем произведений, о смысле человеческой жизни и человеке в его взаимодействии с миром, о назначении человека, критик утверждает и проповедует христианскую веру, отделяя ее от интеллигентских попыток изъять из учения Христа заповеди и соорудить из них «простое этическое учение». Глубина его понимания подобной опасности удивляет, но, видимо, это лишь очередное подтверждение всеобъемлющности его веры. Говорухо не раз прибегает в тексте статьи к евангельским и библейским цитатам. Практически все эпиграфы им взяты из Священного Писания. Даже на поверхности, без проникновения в дух и настроение этой работы, обнаруживаются приметы, позволяющие поставить вопрос о критике собственно христианской¹³, к которой с полным основанием и, допуская, прежде всего может быть причислен Говорухо-Отрок.

¹³ В статье Н.Л. Крюковой развивается тезис о возможности выделения жанра христианского романа, рассматривая целый ряд критериев. Принимая логику ее рассуждений и предварительных выводов, считаю возможным вести речь о христианской критике Говорухо-Отрока, поскольку в его трудах и сочинениях обнаруживается так называемый «православный код». Это предположение должно быть глубоко и основательно рассмотрено далее. См.: Крюкова Н.Л. «Христианский» и «антихристианский» роман (к проблеме жанра) // <http://www.mineralov.ru/krukova1.htm>.

Хотя несомненна также и другая возможность, отраженная в истории русской литературы и литературоведении последнего времени: группа литературных и общественных деятелей – Н.Н. Страхов, К.Н. Леонтьев, В.В. Розанов, включая Ю.Н. Говорухо-Отрока, выделяется и помечается неким «ярлыком». Соответствующее название было найдено давно: все поименованные здесь литераторы отнесены к «консервативной критике». Сменился лишь знак ее оценки с негативного на одобрительный. Сохраняющие верность традиционной триаде «православие, самодержавие, народность», они на самом деле являются консерваторами в том прямом, без скрытой оценки, смысле термина. Однако они глубоко индивидуальны и самобытны в своих критических разборах, в настроениях и оценках. Даже христианская вера, у каждого к которой свой путь, своеобразно отражается и столь же характерно, своеобразно сказывается в их работах.

Критические построения Говорухо-Отрока, истинно и бесповоротно, однажды и навсегда принявшего Бога, отличаются гармонической слаженностью, до высокой степени проникнуты нелицемерной заботой о человеке, о настоящем и будущем России, поэтому они своевременны и остро современны.

В анализируемом этюде среди многих существенных для определения мировоззрения критика позиций, примечательно развернутое в полемику рассуждение-высказывание о возможности «дня на святой Руси». Вероятность прихода этого светлого национального праздника отодвигается, по мнению критика, потому что «лучшие, даровитейшие люди, хотя бы тот же г. Короленко, люди “одаренные”, имеющие дар Бога – талант – ...такие люди, опутанные современными суевериями, бродят как в потемках и никак не могут выйти из лабиринта безнадежных противоречий» [104]. По мнению Говорухо-Отрока, большее зло заключается даже не в релятивности мышления современного *одаренного* человека, выраженной в отсутствии, с одной стороны, определенности мировоззрения, с другой – в отсутствии духовной свободы, а в удовлетворенности «*посредственности хладной*» «в области умственной и нравственной ... тем, что прицепливает к себе какой-нибудь бессмысленный ярлык, свидетельствует о себе словами, не имеющими никакого человеческого смысла: *либерал, консерватор, радикал, народник*» (Курсив мой. – И.К.). Множество носящих «ярлык, отметку» «уже потому, что носят ярлык, могут быть обозначены одним общим именем “без различия партий и направлений” – именем обыкновенной житейской пошлости» [Там же]. Критику совершенно ясно: мыслящий и чувствующий человек не может разделять мнение *партии* или *направления*. (Курсив Ю.Г.-О.); [См.: там же]. «Человек, действительно мыслящий, действительно чувствующий, действительно ищущий истины, а не равнодушный к ней... ответит всяким “партиям” и “направлениям”... ответит на все современные ходячие мнения» словами Писемского на вопрос репортёра о том, что он думает о просмотренной пьесе: «*Во всяком случае* не то, что вы» [105]. Критик отстаивает право каждого иметь собственное мнение, не зависящее от мнения группы, а в своей критической деятельности он это право реализует, оставаясь верным понятиям, которые незыблемы, неизменны и ценность которых не подвержена времени.

В этом смысле показателен «алгоритм», описывающий, «в чём заключается призвание истинного художника», который Говорухо примеряет к В.Г.Короленко, высказывая надежду на то, что «он когда-нибудь решительно отделается от сентиментальности, докринаёрства и резонёрства, которые губят его прекрасное дарование», и почувствует, что «истинный художник должен любить свою родину, любить почву, породившую явления, составляющие объект его творчества, любить любовью зрячею, видящую все язвы любимого существа и любящую, поэтому, ещё больше, ибо к любви тут примешивается бесконечная жалость» [9].

Анализ критического цикла Говорухо-Отрока «В.Г. Короленко» приводит к следующим выводам. Художественная концепция Говорухо-Отрока гармонично соединяет веру без сомнений и вопросов, любовь к человеку, доверие к русскому народу, убеждение в непоколебимости государственного устройства при обязательном его ре-

формировании и усовершенствовании. При этом критику претит сама мысль о возможности принадлежать какой-то партии или направлению. «Он не продавал свое перо ни на каком рынке современности», – эти слова, принадлежащие кн. В.П. Мещерскому, взяла З.Т. Прокопенко эпиграфом к своему очерку о критике. После знакомства с одним из лучших критических опытов Говорухо-Отрока, в котором проявлена личность критика, слова эти не воспринимаются как простительное преувеличение, как «красное словцо», а расцениваются как истина, как редкое и полное соответствие смысла и явления.

Список литературы

1. Говорухо-Отрок Ю.Н.: Собр. соч. /Ю.Н. Говорухо-Отрок – Т. 1. – Белгород: Изд-во Шаповалова, 2005. – 510 с.
2. Прокопенко З.Т. Ю.Н. Говорухо-Отрок: Критико-биографический очерк/ З.Т. Прокопенко // Говорухо-Отрок Ю.Н.: Собр. соч. – Белгород: Изд-во Шаповалова, 2005. – Т.1. – С. 5-36.
3. Гончарова О.А. Русская литература в свете христианских ценностей / О.А. Гончарова. – Харьков: Майдан, 2006. – 164 с.
4. Чернец Л.В. «Как слово наше отзовется...». Судьбы литературных произведений: Учеб. пособие / Л.В. Чернец. – М.: Высшая шк.,1995. – 239 с.
5. Николаев Ю. Очерки современной беллетристики. В.Г. Короленко. Критический этюд / Ю. Николаев. – М.: Университетская типография, 1893. – 112 с.
6. Говорухо-Отрок Ю.Н. Григорьев А.А. // Московские ведомости. – 1894. – № 266. – 28 сент.
7. Бореев Ю.Б. Эстетика. Теория литературы: Энциклопедический словарь терминов / Ю.Б. Бореев. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 575 с.
8. Григорьев А.А. Искусство и нравственность / Вступит. статья и коммент. Б.Ф. Егорова. – М.: Современник, 1886. – 351 с.
9. Егоров Б.Ф. О мастерстве литературной критики. Жанры. Композиция. Стиль / Б.Ф. Егоров. – Л.: Советский писатель, 1980. – 320 с.
10. Крюкова Н.Л. «Христианский» и «антихристианский» роман (к проблеме жанра) // <http://www.mineralov.ru/krukova1.htm>

CRITICAL SKETCH OF Y.N. GOVORUKHO-OTROK («V.G. KOROLENKO»)

I. I. Kulakova

Belgorod State University

*e-mail:
kulakova@bsu.edu.ru*

The author of the article analyzes Y.N. Govorukho-Отрок critical sketch, dedicated to V.G.Korolenko literary activity of 1880's – beginning of 1890's. Govorukho's literary criticism is studied in the context of genesis of his esthetic ideas, his world outlook preferences, i.e. his value scale preferences and genre features of his literary work. The term "Christian Criticism" is introduced by analogy with the term "Christian novel" as the most adequate word combination relevant to the essence of the sketch.

Key words: esthetic position (ground), lyricism, Christian criticism.